

Кама Гинкас:

«Всегда мечтал
поставить оперу»

Пушкин в письме Вяземскому как-то написал: «Зрелости нет у нас... мы или сохнем, или гнием». Эти слова в полной мере можно отнести к нашему поколению. Скольким не дали созреть! Скольким не удалось достигнуть зрелости! Ваш товстоноговский курс был уникальным в истории ленинградского Театрального института (ЛГИТМиКа), и не только его. Такого количества талантливых людей сразу не собралось никогда. И как трагично сложилось большинство судеб! Что помогло вам с Гетой уцелеть, не сгнить, не засохнуть?

— Так не бывает, чтобы все смоквы дали плоды. Есть жизнестойкость, есть приспособляемость или, наоборот, способность к борьбе. Есть, в конце концов, мера здоровья, силы, есть степень желания. Из двух одинаково талантливых — у одного безумная степень желания, он бьется головой об стенку, не замечая, что темечко в крови и, в результате, почему-то пробивает ее, а другой, не менее талантливый, побился-побился, больно очень, он и увял. Даже если забыть о наших советских обстоятельствах, к сожалению, это более или менее нормально, что выживают не все и не всегда самые лучшие.

Наш курс, действительно, был чрезвычайно талантливым. И, конечно, мы с Гетой воспринимаем как личную трагедию то, что такой талантливый человек, как Валдас Ленцевичус, спился и так рано умер; ужасно, что такой грандиозно одаренный человек, как Юлька Дворкин, не сделал того, что мог бы сделать, а очень талантливый Сандро Товстоногов, сделал только то, что сделал. Думаю, у каждого были свои причины. Обстоятельства общие, а причины собственные.

Почему мы с Гетой выжили? Мы сами нередко задаем себе этот вопрос. Первый ответ: потому, что нас ДВОЕ. И когда один приходил в отчаяние, то другой понимал, что надо его выцарапывать. Когда Гета делала спектакль, а я простаивал, мне было понятно, что она как бы беременна, и я должен ходить за ней, как за беременной, пока она не разродится. Когда же я делал спектакль, а она не работала (мы ведь редко делали спектакли — раз в 2-3 года, а то и реже), Гета оберегала меня как хрустальную вазу, ходила за мной как за беременным, любой каприз которого надо удовлетворять, пока я не разрожусь. И это, конечно, помогало. Кроме того, меня спасала ее 300-процентная вера в то, что я — гений. Не более не менее. Я же в свою очередь всегда поражался, открывая в ней (сколько лет живу, столько лет открываю) новые ее таланты и новые возможности, о которых еще вчера не подозревал. Думаю, что ей это тоже помогало. Наши длинные паузы были наполнены маленькими соревнованиями, обменом идеями. Мы ставили спектакли, рассказывая их друг другу, или записывая их на бумагу, как я это делал с большим количеством будущих моих спектаклей, которые сегодня уже поставлены.

«Казнь декабристов» написана приблизительно в те времена, «Палата № 6» — буквально в те времена, «Записки из подполья» — еще в студенческие годы. Потом, правда, многое менялось. Но задумывалось и записывалось все еще тогда, почти все, включая «Счастливого принца». Так что это режиссерское мастурбирование перед бумагой помогало держать форму. Кроме того, мы радостно помогали артистам разных театров, которые приходили к нам, недовольные какими-то репетициями. И мы быстро разбирали сцены, репетировали с ними, объясняли им, как надо играть и многие ленинградские и не только ленинградские режиссеры той поры не знали, что в их спектаклях существуют сцены, сделанные нами. Мы жаждали работы, мы задыхались без репетиций, без возможности сочинять спектакли, сцены, роли, мы пользовались любой возможностью, включая и такую.

Что еще помогало? Мы оба были крайне непритязательны в бытовом плане. Нас абсолютно не беспокоили ни разнообразие в пище, ни требования к одежде. Хотя мы были молодые люди и старались быть красивыми и элегантными. И были

ими. На это были свои способы.

— Помню, на вас всегда были сногшибательные свитера.

— Гета замечательно вязала, и мы ходили во всем вязаном. Гета вязала, а я подбирал цвета, поскольку считалось, что я понимаю в цвете. Она мне доверяла, и часто, когда свитер был уже связан, вдруг выяснялось, что какая-то нитка все-таки не подходит. Она распускала свитер, на три четверти готовый, потому что знала мой характер: все должно быть, как задумано. И вязала опять сначала. Правда, делать было особенно нечего — можно было вязать.

Еще один способ выживать и даже жить. В те времена в Ленинграде выбрасывали в окна старинную мебель и покупали современную, фанерную, прибалтийскую. Мы собирали выброшенные обломки. Иногда случались вполне уцелевшие экземпляры. Мы и сегодня живем среди этой замечательной мебели, хотя так и не удосужились ее отремонтировать почти за 40 лет.

— А на что жили?

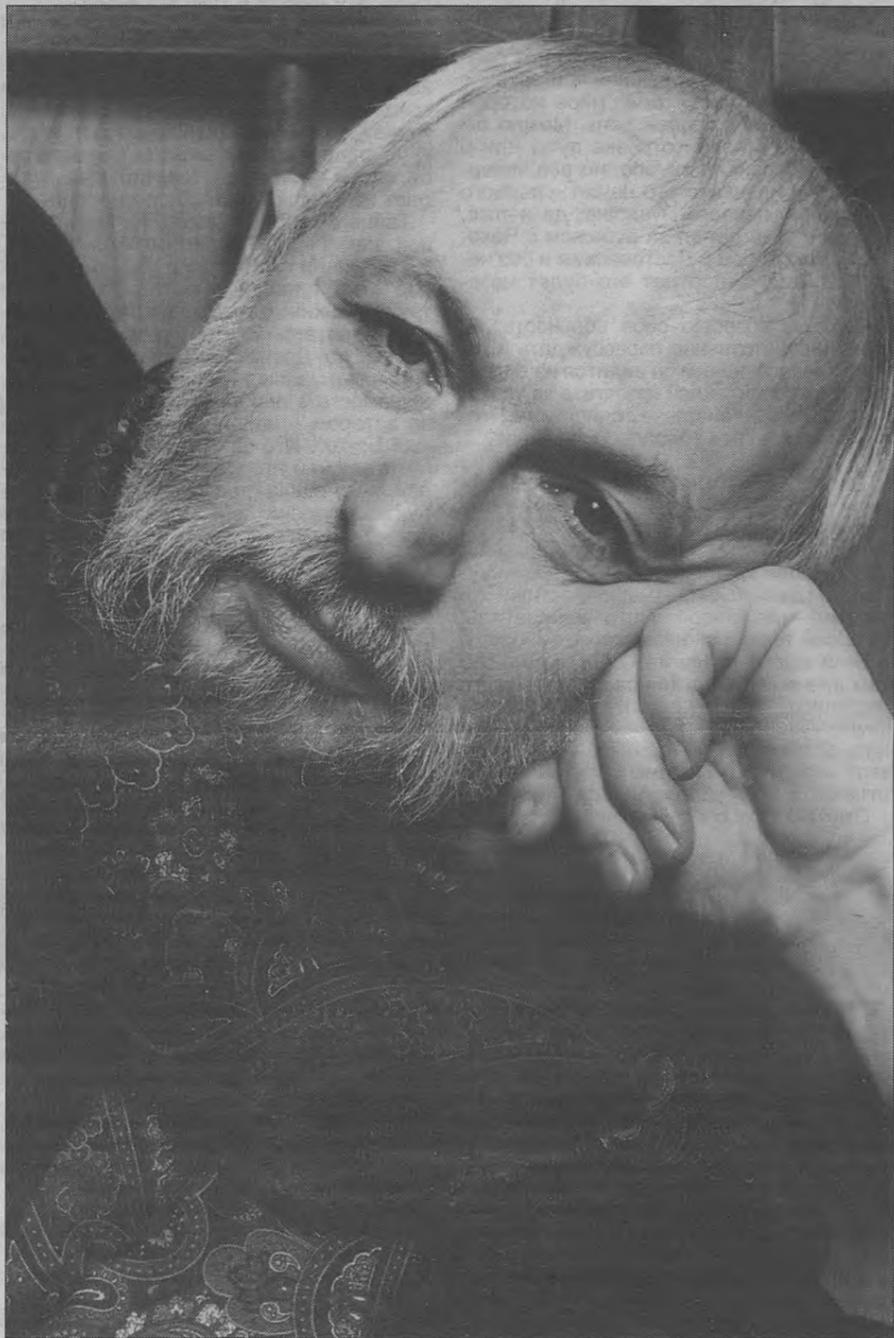
— Я очень берег свое творческое целомудрие. Как можно было зарабатывать? Во-первых, можно было ставить советские спектакли, чего я не делал. Можно было делать какие-то не совсем советские, но такие, которые были ниже нашего вкуса. Их мы тоже не делали. Можно было работать в самодеятельности. Я этого себе не позволял. Гета была вынуждена себе это позволить. Но сделала она это как творческий человек. Случайный коллектив ДК имени Володарского она превратила в грандиозный комнатный театр «Синий мост», куда всяческая элита ходила смотреть «Красную шапку», «Надо следить за своим лицом» Володиной, где репетировала запретный «Мандат» Эрдмана. Может быть, это вообще был первый комнатный театр в ЭСЭ-СЭСЭРЕ.

— В «Красной шапке» был огромный абаяжур, объединявший сцену и зал.

— Он изображал театральную люстру, это же был театр комнатный. А нашли абаяжур на помойке. Наш сын Данька, в те времена крошечный, называл себя помощным мальчиком. Он ходил по помойкам и иногда приносил потрясающие вещи. Так у нас до сих пор дома лежит огромная, приблизительно 70 на 50 см, толстая в кожаных переплетах родовспомогательная немецкая книга 18 века с потрясающими гравюрами. Часть нашей мебели тоже пригашена Данькой, которому тогда было 5-6 лет.

— Во всем, что касалось творчества, вы в торги не вступали.

— Мы настолько брезгливо относились ко всяким контактам с властями, что буквально ощущали их как заразу. Когда мне надо было (не помню повода — наверное, закрывали спектакль) пойти в Управление культуры, оно, помнишь, находится в старинном доме, так вот прежде, чем взяться за бронзовую ручку, я вынул носовой платок и только с его помощью открыл дверь. Очень хорошо это помню. То не было демонстрацией (рядом не было никого), мне, действительно, казалось, что я могу заразиться. Человек, который вступал в контакты с властями, для нас был руконеподаваемый. Фамилий не называю, некоторые из них сейчас покойные. Среди них были вполне способные люди, даже талантливые, но для нас они были руконеподаваемые. Когда-то Вайда сказал о талантливейшем Чухрае, который сделал совсем неплохой фильм «Чистое небо»: «оттуда не возвращаются». Откуда «оттуда»? В фильме было много не только талантливого, но и человеческого — Дробышева, Урбанский... Но там был момент — хрущевская оттепель, льды пошли, музыка заиграла бравурно, и Урбанский выходит, видимо, из НКВД, где

его должны, видимо, были арестовать, а вместо этого — в ладони у него Золотая звезда Героя. Крупный план. Занавес закрывается. Оттуда не возвращаются. У нас никогда не было никаких попыток контакта с властями.

— А сами власти вам контакты предлагали?

— Власти — нет. А главные режиссеры, старшие коллеги предлагали ставить разнообразные пьески. Они считали, что мы — способные ребята, а способные были нужны. Но одновременно они знали, что мы привередливые ребята.

— Но в Красноярске ты ведь был руководителем театра?

— Да, был красноярский период, когда мы несколько раз пытались идти на компромисс. И это был колоссальный урок для нас. Мы ставили «451» по Фарренгейту, «Гамлет», «Сотворившая чудо», «Проделки Скапена» — все несветское или даже антисветское. Нам говорили: «У вас Тюз имени Ленинского Комсомола, надо поставить «Судьбу барабанщика». Мы отказывались. Когда уж нас совсем придавили, мы с Гетой решили — нужно прочитать «Судьбу барабанщика», мы ведь не читали книгу, мы видели фильм. Прочитали. Замечательная, грустнейшая

повесть Гайдара об одиночестве советского мальчика, пионера в советской действительности. «Да это же просто советское «Над пропастью во ржи» — сказали мы и стали ставить. Вот тут нас и закрыли. «А где же пионерский отряд?» — «У Гайдара — на даче». — «В «Гамлете» вы можете придумать несуществующих персонажей, а в «Судьбе барабанщика» — не можете». И так далее.

С тех пор мы поняли — нам бессмысленно идти на компромисс. Когда я руководил театром, как мне надо было общаться с горкомовским и крайкомовским начальством, и когда я пытался делать вид, что отношусь к ним с симпатией, то замечал, что они всегда меня не любившие, тут так прямо ненавидели. Они кожей чувствовали, что я их не переносил. Приходило на память, что Мандельштам мог существовать до тех пор, пока не решил написать панегирик Сталину. А как написал, тут его и уничтожили. Потому что он не смог написать панегирик, а написал про голенища и про все остальное. Стало понятно — надо жить, как мы живем, другого способа нет. Хотя меня очень беспокоила мысль — права ли девственница, не допускающая до себя мужиков, потому что недостаточно ее любят или интересуются

экран и сценарий —

05.1001

Кама Гинкас